

Лекция Социология религии в России. Новые религиозные движения.

Социология религии в Российской Федерации свою непосредственную предысторию имеет в социологическом изучении религиозности и атеизма, проводившемся в советский период. Исследовательская работа того периода имела свои

достижения, хотя и не всегда соответствовала уровню развития мировой социологии религии.

Директивным посылом подавляющего большинства советских социологических исследований религии была политическая мотивация — отношение населения страны к религии изучалось для выработки более эффективных способов нейтрализации и устранения религиозного влияния на сознание и поведение советских людей.

Развитие самостоятельной социологической теории религии на основе эмпирического изучения религиозной жизни общества не предполагалось, поскольку базовые теоретико-методологические установки были сформированы на уровне официальной и обязательной доктрины исторического материализма.

Социологический компонент исследований религии был инкорпорирован в состав идеологически инспирированной квазитеории научного атеизма (советского эрзаца религиоведения).

Связь социологии религии с общей социологией, в качестве ее отраслевого

направления, хотя и признавалась как ресурс исследовательских методик и техник, но на практике отсутствовала.

Организационно социология религии была представлена в рамках Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, имевшего

сеть опорных пунктов по всему СССР. На местах деятельность по социологии

религии курировалась органами КПСС, под эгидой которых могли создаваться

исследовательские группы.

Можно сказать, что советская научно-атеистическая социология религии была инструментом идеологического конструирования и этим определялась специфика ее институционального существования. С ее помощью создавался «научно обоснованный» образ неуклонного «преодоления религии» и развития массового атеизма в СССР.

В то же время имели место отдельные рецепции из зарубежной социологии религии, сообразно чему модернизировался исследовательский аппарат. Основное внимание уделялось так называемым конкретным социологическим исследованиям, проводившимся согласно идеологическим заданиям. Был накоплен большой эмпирический материал и образовалась профессиональная среда специалистов, обладавших навыками социологического подхода к изучению религии. В «постперестроечное» время именно научный и жизненный опыт авторитетных отечественных ученых старшего поколения позволил удержать некоторые содержательные наработки советских исследований в современной российской социологии религии. Упразднение политически ангажированной структуры обществознания, включая научный атеизм, привело к утрате институциональности социологии религии и к диффузии профессиональной среды. Освоение зарубежных подходов в социологии религии девальвировало прежние научные представления.

Идеологическая заряженность советских общественных наук обусловила если и не полный разрыв и отторжение, то значительные лакуны в восприятии накопленного тогда исследовательского опыта новым поколением российских социологов религии.

В то же время объективная потребность в социологическом знании о религии усилилась, поскольку существенно изменилось ее положение в государстве и обществе. Религиозный фактор приобрел весомое значение не только в духовной, но и в социальной сфере. Религиозная составляющая жизни населения предстала в таких ракурсах, которые прежде были либо неведомы отечественным исследователям, либо относились на счет зарубежья.

Возникло явное несоответствие между нарастающим многоаспектным присутствием религии в публичном пространстве страны и наличным уровнем социологического осмысления этого процесса. При отсутствии адекватных организационных форм социологического изучения религии это направление оказалось в неопределенном состоянии, с неравномерностью распределения интересов и видов научной деятельности.

Унаследованное с советского времени представление о социологии как «конкретных» процедурах — устные и письменные опросы, изучение общественного мнения и т. п. — по-своему способствовало поддержанию эмпирических исследований религии в Российской Федерации. В то же время научное теоретизирование в российской социологии религии остается недостаточно развитым, хотя попытки в этом направлении, в том числе с учетом современных зарубежных теорий, ведутся по мере возможностей⁸.

Таким образом:

- а) есть сложная религиозная ситуация в стране, образующая предметное поле для социологического изучения;
- б) есть понимание, что эту ситуацию необходимо изучать, причем не только в собственно научно-исследовательских целях, но и для усиления потенциала обоснованности управленческих решений по поводу религиозной жизни общества;
- в) есть профессиональная среда специалистов разных поколений, знакомых

с социологией религии, готовых и способных этим заниматься, при этом осознающих необходимость саморазвития;

г) нет устойчивой институционализации социологии религии и должной поддержки со стороны государства и общества;

д) идет поиск путей самоорганизации профессиональной среды социологов религии: на исследовательском уровне (определение проблематики теоретических, эмпирических и прикладных исследований); на институциональном уровне (создание консолидирующих форм деятельности профессионального сообщества).

Новые религиозные движения

Эти

движения, возникли в странах Запада в 60 – 70 гг. XX столетия, а два десятилетия спустя в СССР и после его распада в России.

Это движение, более известное как «культы»,

«нетрадиционные религии», «альтернативные религии», «оппозиционные религии», «возникающие религии», «религии

нового века», вызывает к себе неоднозначное отношение. Его радикальные

противники используют для наименования новых религиозных образований термин «тоталитарные» («деструктивные культы или секты»). Обозначения последователей неорелигиозных групп могут варьироваться в разных местностях. Например, жители некоторых населенных пунктов

юга Красноярского края называют проживающих здесь последователей

Церкви Последнего Завета «паломниками» за их просторные и красочные

одеяния. За пределами компактных мест расселения их именуют «виссарионовцами», а чаще всего – «сектантами».

Присутствие у возникших духовно-религиозных образований «буйного творчества» в содержании их вероучительных конструкций и ритуалистике затрудняет выделение отличительных, устойчивых признаков, присущих большинству таких образований. Отсюда и вполне понятный

разнобой в их типологизации, отнесение к либо уже известным классам религиозных объединений (например «секта»), либо включение подобных объединений в дефиниции, специально разработанные для их обозначения.

Поскольку существующие более трех столетий религиозные образования,

в свое время названные сектами, развиваются достаточно динамично, то

дефиниции не передают перемен, подчас весьма заметных как в их вероучительных построениях, так и социальной ориентации. Существенным

изъяном многих конфессиональных и светских публикаций, а также телепередач о культах и сектах является сознательное или неосознанное игнорирование произошедшей эволюции в установках религиозных групп, переход их от агрессивной мироотвергающей формулы взаимоотношения с «наличным бытием» к формуле «мироисцеляющей», «мирореформирующей».

В общественном сознании до сих пор распространено превратное

представление о роли и месте религиозных меньшинств в современном

российском обществе; обычно этот феномен упоминается лишь в контексте церковно-государственных отношений, да и то в форме констатации

появления на земле российской большого разнообразия нетрадиционных

верований. Нередко подобная констатация «оживляется» данными о религиозных объединениях, зарегистрированных органами юстиции. И эти данные образуют исходный фактологический массив, опираясь на которые не

только СМИ, но и политики, социологи и религиоведы делают выводы о

религиозных меньшинствах. К сожалению, выводы эти ограничиваются

поверхностными комментариями, в них отсутствуют широкие нетривиальные обобщения. Высоко оценивая усилия Минюста по хотя бы юридически оформленной «инвентаризации»

действующих в России объединений, тем не менее следует отметить, что эти данные не передают всей полноты и разнообразия картины религиозной жизни. Прежде всего потому,

что далеко не все религиозные образования могут получить государственную регистрацию в качестве религиозных групп или религиозных организаций. Сколько и какие религиозные образования действуют без регистрации – об этом сегодня не знает никто. Такое «незнание» объясняется разными причинами: нежеланием заниматься несущественной проблемой, попусту тратить силы на выяснение реальной численности принадлежащих к религиозным меньшинствам, либо просто неспособностью или

неумением заниматься изучением реальной «религиозной среды». Особо

следует сказать о российском научном сообществе,

большинство членов

которого еще 15 – 20 лет назад разделяли (искренне или по принуждению)

взгляд на религию как на отживающий феномен, который должен будет

исчезать по мере продвижения общества к коммунизму.

Подобный идеологический постулат существенно влиял на оценки состояния религиозности в Советском Союзе.

«Правильными» считались лишь сведения, подтверждающие основополагающий тезис о неуклонном сокращении

численности верящих в Бога; данные о росте в том или ином регионе верующих и совершающих обряды замалчивались

либо оглашались на закрытых

конференциях и трактовались как свидетельство ослабления внимания к

борьбе с религиозными предрассудками.

В средствах массовой информации природа новых

религиозных движений предельно упрощается и чаще всего сводится к одной из разновидностей

криминальных образований. Лидеры и основатели таких движений

используют религиозную терминологию для маскировки либо своих корыстных устремлений, либо властолюбия, а чаще всего – того и другого. Ведущей линией конфессионального восприятия новых религиозных движений выступает трактовка данного феномена как ереси, ошибочного понимания какого-либо вероучительного положения нетрадиционных религий

либо какой-то сконструированной религиозной доктрины.

Гипертрофирование данных исходных установок порождает игнорирование социальных,

психологических и иных «земных» причин, влияющих на возникновение и

функционирование феномена новых религиозных движений в целом и

конкретных типов его проявления. Независимо от стран и континентов,

идеологической направленности, в СМИ новые религиозные движения характеризуются преимущественно как криминальные образования. Материалы о новых религиозных движениях, адресованные широкой аудитории, концентрируют основное внимание на сенсациях – судебных процессах, связанных с теми или иными сторонами деятельности новых религиозных образований, биографиях лидеров новых религиозных движений.

Подобные материалы формируют представление о природе новых религиозных движений массовом сознании, и в то же время концептуальные

схемы и терминология восприятия СМИ этого феномена широко и активно используются государственными организациями, в том числе и правоохранительными учреждениями.

Именно этим (правда, не единственным обстоятельством) объясняется постоянное воспроизведение суждений СМИ о новых религиозных

движениях в многочисленных справках и аналитических записках высоких властных инстанций, выступлениях государственных служащих разного уровня.

Однако исключительно негативными коннотациями наделяются неорелигиозные объединения и в некоторых публикациях светских ученых; в них, как правило, воспроизводятся перенесенные на российскую почву методологические наработки зарубежной антикультовой идеологии. По мнению ученых, НРД занимаются «духовным рэкетом», обирая до нитки доверчивых людей, взамен обещая им приобщение к истинной вере, переход в высшую расу, освобождение разума от помех, не позволяющих личности раскрыть имеющиеся у нее способности. Корыстные мотивы, обманные посулы и иной негатив действительно встречается в деятельности неорелигиозных объединений. В нашем пособии показывается, вовсе не эти особенности (или не только одни они) образуют их сущностные признаки; поэтому криминализация природы феномена новых религий в методологическом отношении представляется контрпродуктивной, поскольку она ориентирует религиоведов, социологов и историков религии заниматься проблематикой криминалистики, уголовным и гражданским правом, а не изучать этот феномен с использованием методологии и категориального аппарата своих дисциплин.

Значительное место в пособии отводится анализу зарубежной и отечественной историографии проблемы. Она чрезвычайно обширна и представлена авторами, придерживающимися самых разных суждений о природе новых религиозных движений. По причине идеологической изоляции Советского Союза большинство зарубежных публикаций не были доступны отечественным исследователям. Но и в тех случаях, когда некоторые из них попадали в крупные библиотеки, их содержание истолковывалось преимущественно в русле парадигм господствующей идеологии. И даже после

утраты ее доминирующего положения огромный массив публикаций наиболее авторитетных зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике, а также содержание бурных дискуссий о новых религиозных образованиях остается не востребуемым. Господство общеобязательных идеологических схем постепенно эволюционировало в навязывание через средства массовой информации одномерного подхода к пониманию феномена новых религиозных движений, в то время как постижение природы и деятельности которых предполагает постоянный поиск, встречи с новым, неизвестным, непереносимые контакты с объектом изучения.

В отношении к вероучительным построениям и практикам новых религиозных движений до сих пор имплицитно присутствуют элементы секулярно-атеистической методологии: как можно верить в такую бессмыслицу? Такой вопрос, предваряющий, а чаще всего и заменяющий конкретный анализ учения того или иного неорелигиозного образования, фактически звучит как окончательный приговор претензиям новых религиозных движений не только на истинность своих доктрин, но и на принадлежность их к религии. В лучшем случае, их квалифицируют как псевдо (квази) религии, но чаще всего, как уже отмечалось, вероучительные построения возникших религиозных групп объявлялись маскировкой подлинных (по преимуществу мошеннических) целей их основателей и лидеров. По-

добные оценки экстраполируются и на рядовых верующих. Им, по существу, отказывают в праве верить в существование трансцендентного начала, образующего основу учений новых религиозных объединений. При этом такие выводы делаются без изучения внутреннего мира последователей неорелигиозных образований.

Отнюдь не считая труды зарубежных исследователей первичным и непревзойденным источником для общей интерпретации неорелигиозных

образований, в то же время следует отметить своевременное и интенсивное изучение авторитетными учеными Запада таких образований фактически с момента их появления в США, а затем и в других государствах. В

фиксировании, описании и изучении процессов зарождения новых религиозных образований исследователи религии стран Запада, особенно социологи религии, находились в существенно иных условиях, нежели их

советские и российские исследователи. Можно, конечно, глумиться над

громдным количеством публикаций десятков зарубежных ученых о самых различных аспектах НРД считая себя и парутройку единомышленников представителями «истинного знания» о тоталитарных сектах. Именно

так, походя, порой «разделяются» с авторами обстоятельных монографий о новых религиозных движениях отдельные отечественные «сектоборцы», предпочитая навешивание оскорбительных ярлыков аргументированному анализу иной точки зрения. Однако одно лишь сравнение представителей этих противоположных подходов к пониманию природы НРД

только по такому критерию, как научный статус в авторитетных университетах и исследовательских центрах, оказывается далеко не в пользу избравших излюбленной формой ведения полемики нещадное поношение своих оппонентов. Существенную научную ценность представляют исследования, авторы которых обосновывают свои выводы опросами членов

самых различных типов религиозных новообразований, наблюдениями за

процессами формирования и эволюции таких образований. Результаты

этих исследований дают возможность проследить сходство и различие в

возникновении и функционировании новых религиозных движений в зарубежных государствах и в России. Особое место занимают публикации

А. Баркер, Д. Бекфорда, Д. Бромли, У. Бэйнбриджа, Р. Вудноу, Ч. Глока,
Л. Досона, Г. Мелтона, Р. Робертсона, Р. Старка, У. Шьюпа, Б. Уилсона и др. Их эвристическая ценность заключается в поиске методологии, способствующей адекватному пониманию сущности феномена духовно- религиозной жизни второй половины XX столетия. Кроме того, многие из этих ученых проявляли интерес к исследованию одной из сложнейших проблем религиоведения и социологии религии – типологизации религиозных образований. В развернувшейся дискуссии обсуждались самые различные способы классификации новых религиозных групп, начиная от утвердившегося – определения их природы путем сравнения с традиционными верованиями – до выдвижения дефиниций, трактующих неорелигиозные образования как своего рода «духовный вывих», «сбой» в традиционном развитии религии. Приведенный перечень исследователей социологической и методологической проблематики НРД может быть расширен авторами, которые занимались вопросами типологизации религий и места в ней новых религиозных образований, посвятив этому оригинальные монографии. Результаты таких изысканий представлены в трудах Д. Баррета, Д. Нельсона, И. Хексэм и К. Поув, Т. Миллера. В то же время в зарубежных изданиях не мало публикаций, особенно предназначенных для массового читателя, носят компилятивный характер, а чаще всего преследуют цель произвести сенсацию, поразить читателя криминальными историями. Проблемы новых религиозных движений и феномена новой религиозности как такового начали активно обсуждаться в отечественном религиоведении в 80-х гг. прошлого века, и к настоящему времени выработаны общие принципы изучения данного явления, разработаны принципы классификации НРД, а также накоплен и изучен обширный эмпирический материал; при этом особый интерес

представляют исследования, посвященные отечественным НРД, бурное возникновение и развитие которых пришлось на 90-е гг. XX в. Труды Е. Г. Балагушкин, Л. И. Григорьевой, П. С. Гуревича, И. Иваненко, В.В. Кравчука, Е.М. Мирошниковой, Л.Н. Митрохина, М.П. Мчедлова, Т.В. Томаевой, Б. З. Фаликова и др. заложили основу для дальнейшего объективного, свободного от тенденциозности изучения феномена новой религиозности в России и его роли в современной религиозной жизни общества.

История отечественных публикаций и исследований, посвященных новым религиозным движениям, довольно своеобразна. С одной стороны, публикаций, в той или иной степени касающихся возникновения, особенностей вероучения, обрядов этих движений, насчитывается довольно много (особенно после 1993 г.). С другой – квалифицированных и объективных религиозоведческих и социологических исследований новых религиозных движения крайне мало в сравнении с валом публикаций на «сектантскую тему» в СМИ и в некоторых конфессиональных изданиях. Как справедливо отмечает А. А. Панченко, «И в дореволюционной России, и в советскую эпоху «сектантская тема» активно эксплуатировалась политиками, богословами, историками и литераторами для конструирования и воспроизведения актуальных мифологем социального, культурного и религиозного характера». (Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект». – М., 2002. – С. 14).

Хотя эта оценка формулируется А.А. Панченко в контексте его исследовательского интереса к христовщине и скопчеству – сегодня почти исчезнувших религиозных движений, – однако, она вполне применима и к распространенным интерпретациям религиозного сектантства в наши дни.

Этим, по-видимому, и объясняется ограничение им своей очень емкой и честной характеристики злоупотребления «сектантской тематикой» самых

разных сил в досоветский период. Между тем, все без исключения способы и приемы эксплуатации данной проблематики, приводимые в книге А.

А. Панченко, включая набор традиционных обвинений, не канули в прошлое, не пылятся в архивах. Все они, без малейших поправок на время, широко и активно применяются и в современный период российской истории.

Продолжая эту традицию, не только падкие на сенсации журналисты, но и «серьезные» авторы воспроизводят методологию и строй суждений,

возникших в другие исторические эпохи и во многом обусловленных многочисленными запретами и препятствиями политического характера. Несмотря на провозглашение действующей Конституцией РФ гарантий свободы совести, даже в учебных пособиях по религиоведению нередко можно встретить все тот же набор обвинений, составленных во времена, когда

свобода совести считалась крамолой или только декларировалась. На

большинстве происходивших на протяжении последнего десятилетия

публичных обсуждениях проблемы НРД лишь в самой минимальной степени были представлены точки зрения российских ученых, продолжительное время исследующих как природу данного феномена в целом, так и

его отдельные проявления. При этом речь прежде всего идет о СМИ (в

первую очередь, телевидение), формирующих отношение россиян к духовным и материальным процессам. Даже в условиях ужасной неразбери-

хи, царящей в современной российской высшей школе и научно-исследовательских учреждениях, унижительной оплате труда ученые России опубликовали около десятка серьезных монографий, раскрывающих природу

столь сложного и противоречивого явления, как новые религиозные движения, и выявляющих причины их распространения среди различных слоев российского населения. Кроме того, за последние 5 – 7 лет объектами диссертационных исследований стали конкретные типы религиозных новообразований – Церковь объединения (две канд. дис.), вера Бахаи (две канд. дис.), Церковь Божией Матери Державная, теософия, саентология, неоязычники, сатанинские группы. Таким образом, научному сообществу есть что сказать, однако, его голос не доходит до российского населения.

И не только до него. Внимательный анализ выступлений представителей самых различных государственных учреждений дает основание сделать вывод о том, что чаще всего их суждения о НРД основываются на массмедийных и радикальных антикультурных трактовках религиозных новообразований и лишь в весьма незначительной степени учитывают точку зрения научного сообщества. Почти незаметно влияние науки и на содержание текстов многочисленных аналитических записок, инструкций и рекомендаций, достаточно регулярно направляемых высокими государственными инстанциями самым различным адресатам.

Возникшие в последние три десятилетия на Западе и на территории России религиозные объединения в нашем издании рассматриваются в динамике, прослеживается эволюция их вероучений и социальных ориентаций. Образование и последующие модификации организационно новых форм и религий соотносятся с изменениями в вероучительном комплексе, а также в системе ценностей и представлений, связанных с религиозным

учением. На эти изменения, как правило, влияют и социально политические или экономические факторы, которые также в некоторой (иногда значительной) степени обуславливают перемены в комплексе религиозных воззрений, а также в свою очередь, обуславливаются ими. С течением времени идеи и представления, лежащие в основе религиозных учений, подвергаются дальнейшей, порой значительной, диверсификации. Отчасти она представляет собой результат расширяющихся межкультурных и межрелигиозных контактов, в то же время, бывает вызвана все увеличивающимся количеством и разнообразием интерпретаций традиционных религиозных идей и представлений